

Цирулев Александр Федорович

ПРОБЛЕМА "ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ" В ТРИЛОГИЯХ Л. ТОЛСТОГО И М. ГОРЬКОГО

На материале автобиографических трилогий Л. Н. Толстого и М. Горького описывается один из структурных компонентов текста – "генерализация". Анализируются виды "генерализации", ее функционирование, повествовательная эволюция, эстетическая роль и сопоставительная значимость. В работе раскрываются истоки "генерализации", выясняется смысловая роль данного приема в толстовской трилогии. Автор утверждает, что Горький выступает как преемник "генерализации" Толстого и одновременно как новатор, наполняющий "генерализующий" прием новыми функциями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 188-190. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

На материале автобиографических трилогий Л. Н. Толстого и М. Горького описывается один из структурных компонентов текста – «генерализация». Анализируются виды «генерализации», ее функционирование, повествовательная эволюция, эстетическая роль и сопоставительная значимость. В работе раскрываются истоки «генерализации», выясняется смысловая роль данного приема в толстовской трилогии. Автор утверждает, что Горький выступает как преемник «генерализации» Толстого и одновременно как новатор, наполняющий «генерализующий» прием новыми функциями.

Ключевые слова и фразы: «генерализация»; жанр; автобиография; авторский комментарий; текст; авторский голос.

Цирулев Александр Федорович, к. филол. н.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
tzirulev.al.@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА «ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ» В ТРИЛОГИЯХ Л. ТОЛСТОГО И М. ГОРЬКОГО[©]

При всей принципиальной разности взглядов Л. Толстого и М. Горького, при всем несходстве их эстетических принципов, между их автобиографиями, с нашей точки зрения, существует некое духовное поле – поле взаимопритяжения и взаимоотталкивания, – которое хотелось бы определенным образом понять и терминологически обозначить.

М. Горький, как известно, был решительным противником «рецептов спасения русского мира», предлагаемых великим графом. Он видел корень зла не в «глубинах сердца», а в социальном мироустройстве России. Однако при всей полемичности в горьковской трилогии обнаруживается любопытная аналогия с толстовской автобиографией. Несмотря на то, что Толстой и Горький занимают диаметрально разные позиции в сфере гармонизации русского бытия, в области поэтической «Детство», «В людях» и «Мои университеты» обнаруживают поразительные «схождения» с трилогией Л. Толстого. Во-первых, М. Горький так же, как и его великий предшественник, стремится не просто дать историю души, но воспроизвести *самый механизм зарождения и развития мыслей и чувств* маленького человека. «Диалектика сознания», то есть анализ внутренней эволюции героя через борьбу противоречий – это то, что роднит две художественные системы и ставит трилогии Толстого и Горького особняком в русской автобиографической традиции. Во-вторых, что также объединяет двух мастеров слова, – это принцип авторской «генерализации». Попробуем пояснить эту мысль.

Термин «генерализация», как, впрочем, и термин «мелочность» принадлежат самому Толстому. Дневниковая запись молодого писателя от 4 июня 1852 года гласит: «... писал письмо с Кавказа мало, но хорошо... увлекался сначала в генерализацию, потом в мелочность, теперь, ежели не нашел середины, по крайней мере понимаю ее необходимость и желаю найти ее» [9, с. 121]. Истоки толстовской «генерализации» можно отыскать в знаменитых «Опытах» М. Монтеня [6] и в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо [8]. Первый, ведя «рассказ о себе», охотно включает в свой текст разнообразные философско-этические отвлечения в духе античных мыслителей. Подобного рода отступления встречаются и в книге второго, обнаруживающего особый интерес к сокрытым глубинам души, к тому, что люди обычно скрывают, избегая любых форм публичного самораскрытия. Еще в большей степени, по мысли П. С. Попова [7], Толстой опирался на традиции авторского комментария Тепфера и Стерна, творчеством которых он увлекался в пору работы над «Детством» и «Отрочеством». Несмотря на эти и другие аналогии, мы имеем полное право говорить о самобытности толстовской «генерализации». «Генерализация» и «мелочность», над которыми молодой Толстой упорно работал в перерывах между военными баталиями на Кавказе, были ему необходимы не просто как «форма ради формы» (точка зрения Б. М. Эйхенбаума [11] и П. С. Попова [7]), но как способ реализации тех идей, которые овладели к этому времени его сознанием.

Написанию трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность» предшествовала напряженнейшая работа, в ходе которой молодой мыслитель открыл для себя великое значение идеи нравственного самоусовершенствования, а кроме того, понял, что он способен осветить эпоху детства и отрочества так, как это прежде еще никому не удавалось. Для воплощения этой двуединой концепции, в которой «этическое начало» было бы тесно сплетено с «началом поэтическим», Толстой перепробовал различные модификации и приемы письма, но в итоге остановился все-таки на «генерализации» и «мелочности». Именно они-то и позволили молодому прозаику добиться феноменального поэтического эффекта: а именно целую эпоху детства «уложить» в описание двух дней из жизни дитяти, эпоху отрочества «увязать» с несколькими днями из жизни подростка, а юность представить через несколько ключевых эпизодов из жизни юноши Иртеньева. Рассматривая, словно «под микроскопом», чувства малыша, а затем подростка и юноши, разлагая их на отдельные составляющие, улавливая их тончайшие акценты и микроскопические сдвиги, т.е. осуществляя принцип «мелочности» изображения, Толстой – с помощью непрерывной и активной «генерализации» – достигает

невиданной *стереоскопичности* воссоздания жизни. Благодаря этой стереоскопичности читатель получает возможность составить представление не только о том, как протекали детские годы писателя, но и о чем-то большем – о том, как совершается «великое таинство» – рождение человеческой души.

Осуществляя этот замысел, т.е. стремясь описать заурядные события детства, «...показав их в живом течении дня, но так, чтобы сквозь них было видно и детство и отрочество в целом, чтобы эти события действительно являлись живыми образами особого характера этих эпох развития» [Там же, с. 89], Толстой апробирует две главные формы «генерализации». С одной стороны, используя такие словесные формулы, как «бывало», «как теперь вижу», «помню», (например, «...бывало, придешь наверх и станешь перед иконами... После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно» [10, с. 44]), он добивается того, что «однократное» и «сиюминутное» начинает выступать в его произведении как повторяющееся и «многократное». А с другой – писатель включает в текст высказывания обобщающего свойства, с помощью которых он выявляет сущностные черты тех или иных жизненных явлений, качеств, состояний и т.д. О чем бы ни рассказывал Толстой, о каких бы событиях и персонажах ни вспоминал, его обобщающая, «генерирующая» мысль работает безостановочно. Причем если в обычном, традиционном повествовании читатель имеет дело с живыми, образными картинками, а создатель текста словно «прячется» за них, то в толстовском тексте автор выражает себя открыто. «Генерирующая» мысль Толстого – такой же равноправный элемент повествования, как и галерея конкретных, живых картин, с помощью которых он представляет мир прошлого.

Таким образом, Л. Н. Толстой впервые в искусстве утверждает равноправие «изображения» и «авторского размышления», доказывая их эстетическую совместимость в пределах единого словесного пространства. Может показаться, что подобный прием, т.е. сочетание «анализа» и конкретного изображения широко используется А. И. Герценом в его «Былом и думах» [3]. Однако это не совсем так. У Герцена мы видим поток исторических, философских, социальных размышлений, не являющихся «генерализацией» по отношению к тем картинам русской жизни, которые представлены в его произведении. Несмотря на явно лирическую окрашенность воспоминаний детства у С. Т. Аксакова (в его «Семейной хронике» и в «Детских годах Багрова-внука» [1], несмотря также на «включенность» автобиографического материала в «мировоззренческие координаты» патриота России, «генерализация», по существу, отсутствует в его прозе. Точно так же мы не отыщем рассуждений «толстовского типа» и в тетралогии Н. Г. Гарина-Михайловского [2]. Лишь спустя полвека после публикации толстовской автобиографии у Горького мы открываем «генерализацию» в тех формах, чертах и эстетических функциях, в каких она явилась в автобиографии Толстого.

«Теоретический пласт» в горьковской «исповеди» представлен мощно, зримо. Он выполняет роль авторского комментария и того самого идейного сопровождения, который был так значим для его великого предшественника. В повестях «Детство», «В людях», «Мои университеты» [4, т. 15–16] прекрасно очерчена фигура юного героя, открывающего для себя большой мир. Однако наряду с ней мы прекрасно видим и взрослого повествователя, который прямо и открыто выражает себя. Один план повествования в горьковском жизнеописании связан с детским восприятием, другой являет собой проекцию мира взрослого повествователя. «Взрослый повествователь» наблюдает за собой прежним из иного времени и при этом «сопровождает» действия своего героя и других персонажей собственными оценками, комментариями. Причем Горький так же, как и Толстой, не просто дает ряд лирико-эмоциональных вставок, а выстраивает *идейно-философскую концепцию, «с высоты» которой он и излагает образный материал*. То есть он, как и создатель «Детства», «Отрочества», «Юности», включает в свой текст «генерализацию» высшего уровня. Иначе говоря, в автобиографии Горького проступает повествовательная структура, построенная в соответствии с «двухчленным алгоритмом» толстовской «генерализации»: с одной стороны, объективные картины жизни автогероя, а с другой – ясно выраженный «авторский суд» по поводу представленной модели бытия. Из целого ряда авторских вторжений вырисовывается некая общая и единая горьковская концепция русского мира. При этом горьковскую «генерализацию» никак нельзя отождествлять с толстовской. Сам авторский комментарий у Горького имеет сложную и даже противоречивую природу. Думается, что «генерализация», играющая столь важную роль в «Детстве», «В людях», «Моих университетах», возникла на пересечении двух линий творческого самоопределения писателя.

Первая связана с собственно полемической установкой горьковского сочинения – с тем, что М. Горький строил свое жизнеописание как «контрастный аналог» жизнеописания толстовского. Вторая – это линия внутреннего или имманентного вызревания горьковской «генерализации». Она непосредственно связана с поисками Горького новой повествовательной формы. Ранний Горький использовал в основном традиционные формы эпического повествования и разрабатывал жанр аукториального романа. Постепенно он уходит от форм, в которых господствует подача жизненного материала от лица «всезнающего автора». В цикле «По Руси» [Там же, т. 14] субъектно-авторское начало, которое Горький успешно «ретушировал» на протяжении 1900-х гг., снова заявляет о себе. На сей раз оно является не в «аукториальных одеяниях», а в виде лирических отступлений, имеющих идеологическую подоплеку. Но лирические отступления, данные в сборнике «По Руси» от имени «проходящего», еще не есть «генерализация», а лишь ее преддверие. Функцию полноценной «генерализации» авторские «включения» будут выполнять только в трилогии, где они будут «генерировать», идейно объединять разрозненные фрагменты и эпизоды в единое концептуальное целое.

Таким образом, в обеих автобиографиях «генерализующий» аспект играет весьма существенную и заметную роль. Два жизнеописания «роднит» не только «диалектика сознания», но и «генерализация» – прием, задача которого идейно аккумулировать, теоретически обобщать представленные художником картины

бытия. Помимо того, что «генерализация» у Толстого и Горького служит фактором идейной концентрации, «сгущения» художественного материала, она свидетельствует еще и в пользу своеобразной «надлитературности» обоих жизнеописаний. И Толстой, и Горький, рассказывая о себе, по сути дела, превращают свои жизнеописания в общезначимые социальные и философско-этические обобщения «учительного плана». Если Л. Толстой делает свою биографию способом постижения законов бытия и познания моральной сути человека, то М. Горький с помощью целенаправленного авторского комментария формулирует – ни много, ни мало – программу «спасения Руси», возлагая особые надежды на духовную энергию русского народа.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 640 с.
2. Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1. 522 с.; Т. 2. 563 с.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. 518 с.; Т. 9. 354 с.; Т. 10. 536 с.; Т. 11. 807 с.
4. Горький М. Полн. собр. соч.: худ. произведения: в 25-ти т. М.: Наука, 1972. Т. 14. 630 с.; Т. 15. 639 с.; Т. 16. 671 с.
5. Монтень М. Опыты: в 3-х кн. СПб.: Кристалл; Респекс, 1998. Кн. 1-2. 953 с.; Кн. 3. 702 с.
6. Попов П. С. Стиль ранних повестей Толстого («Детство» и «Отрочество») // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. Л. Н. Толстой. Кн. 1. С. 78-116.
7. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 3. 725 с.
8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во «Худ. лит.», 1937. Т. 46.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М. – Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 1.
10. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // Эйхенбаум Б. М. О литературе: работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. С. 34-139.

PROBLEM OF –GENERALIZATION” IN TRILOGIES OF L. TOLSTOI AND M. GOR’KII

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
tsirulev.al.@yandex.ru

The author describes one of the structural components of the text –generalization” basing on the material of autobiographical trilogies of L. N. Tolstoi and M. Gor’kii, analyzes the types of –generalization”, its functioning, narrative evolution, aesthetic role and comparative significance, reveals the origins of –generalization”, ascertains the semantic role of this technique in Tolstoi’s trilogy, and asserts that Gor’kii is a successor of Tolstoi’s –generalization” and at the same time an innovator, filling the –generalizing” technique with new functions.

Key words and phrases: –generalization”; genre; autobiography; author’s comment; text; author’s voice.

УДК 8;81-122.2

Филологические науки

В статье говорится о том, что именно беллетристика данной эпохи становится идентификатором нового социально-культурного слоя, а в спорах о ней выявляются общее и различное в лингвистических взглядах на состав литературного языка славянофилов и западников. Оценки маркированных языковых единиц, просторечных и диалектных явлений оказываются социально и идеологически обусловленными, отражая идеологическое и культурное размежевание в русском обществе 1830-1840-х гг.

Ключевые слова и фразы: беллетристика; язык художественной литературы; народный язык; народность; натуральная школа; западники; славянофилы.

Чапаева Любовь Георгиевна, д. филол. н., доцент
Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова
lg4@mail.ru

БЕЛЛЕТРИСТИКА 1830-1840-Х ГГ. КАК ПОЛЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ®

30-40-е годы XIX века оказались временем, в котором определялись и перспективно задавались пути и направления развития русского литературного языка, русской литературы и культуры. Своеобразие этих «веховых» лет связано с вхождением русского словесного искусства в новую культурно-идеологическую парадигму, повлиявшую и на жанровые приоритеты в литературе, и на литературный язык, и на языковую рефлексю. Русскую культуру этого периода можно представить в виде перекрещивающихся бинарных оппозиций: дворянская культура – разночинская; пушкинское направление – гоголевское